

Пространственный поворот в социологии: новые инструменты и новые проблемы

Леонид Ефимович Бляхер
Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, Leonid743342@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется становление и трансформация одной из базовых категорий науки об обществе – "социальное пространство". Рассматриваются основные традиции понимания этой категории. Делаются предположения о причинах частичного "ухода в тень" этой категории в середине столетия, вплоть до 70-х годов XX века, а также взлете интереса к социальному пространству, который в работе и обозначили термином "пространственный поворот". Выдвигается гипотеза о связи между конфликтностью и динамизмом в социальном пространстве и интересом к нему, а также причиной, по которой именно в России этот процесс протекает наиболее ярко.

Ключевые слова: социальное пространство, феноменологический интеракционизм, социальное поле, социальный текст, "пустое пространство", сообщество, совместность

Для цитирования: Бляхер Л. Е. Пространственный поворот в социологии: новые инструменты и новые проблемы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 1. С. 10–18. DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/10-18

Original article
DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/10-18

Spatial turn in sociology: new tools and new problems

Leonid Efimovich Blyakher
Pacific State University, Khabarovsk, Russia, Leonid743342@mail.ru

Abstract. The article analyzes the formation and transformation of one of the basic categories of the science of society "social space". The main traditions of understanding this category are considered. Assumptions are made about the reasons for the partial "retreat" into the shadows of this category in the middle of the century, up to the 70s of the twentieth century, as well as the rise of interest in social space, which in the work was designated by the term "spatial turn". A hypothesis is put forward about the connection between conflict and dynamism in social space and interest in it, as well as the reason why this process is most pronounced in Russia.

Key words: social space, phenomenological interactionism, social field, social text, "empty space", community, compatibility

For citation: Blyakher L. E. Spatial turn in sociology: new tools and new problems // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 1. P. 10–18. DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/10-18

О пространственном повороте в социологии пишут уже не первое десятилетие [18]. Отправной точкой такого повышенного интереса к пространственной проблематике в социальных науках можно считать интервью М. Фуко 1967 года, идеи которого повторялись и в позднейших работах. Пространство здесь выступает привилегированной субстанцией для понимания техник власти. По существу, проводится мысль о территориальном характере власти как таковой [25]. Однако, как правило, речь идет именно о философской рефлексии явления или об анализе концепта "социальное пространство" [24]. Гораздо реже рефлексия распространялась на те новые инструментальные возможности и новую проблематику, которая возникает в связи с трансформацией концепта "социальное пространство" на рубеже XX–XXI столетий. Об этом, точнее, о некоторых новых аспектах в социологических штудиях, возникающих в связи с этой трансформацией, да и о самом смысле трансформации, пойдет речь далее.

Однако прежде обозначим, не претендуя на особенную глубину, этапы трансформации термина "социальное пространство".

Введение и активное использование концепта "социальное пространство", как правило, связывают с именем Питирима Сорокина [22] и его исследованиями социальной мобильности. Однако в его работах категория "социальное пространство" выступает не более чем удачной метафорой, позволяющей "визуализировать" систему социальных статусов и их динамику. Но пространственная проблематика вводится в науку об обществе еще в двух традициях.

В рамках феноменологического интеракционизма предметом исследования оказалось физическое пространство (близость, удаленность, формы коммуникации и различные способы организации транзакций) [26]. При всей

теоретической значимости и эвристической ценности этих и подобных им исследований [2] в них заключено значимое и трудно преодолимое противоречие. Точные и корректные исследования на микроуровне (исследования единичных и уникальных взаимодействий) с большим трудом интегрировались, а точнее сказать, не интегрировались в макроописания. Между теорией общества и точными и корректными описаниями микросоциологических взаимодействий оставалась лагуна, заполняемая часто вполне произвольными построениями. Само же пространство оставалось "ньютоновским" вместилищем тел, не обладающим собственными характеристиками. Иными словами, оно не было социальным, но лишь сценой, на которой разыгрывался социальное действие.

Но существовал третий канал вхождения концепта, точнее, семантики, связанной с категорией "социальное пространство". Правда, этот канал, наследие Г. Зиммеля [13], достаточно долгое время существовал в полузабвении. Здесь, пожалуй, присутствовала наиболее глубокая рефлексия по поводу именно социальных аспектов пространства. Речь шла о том, что объекты физического пространства и созданные артефакты становятся элементами социального пространства в тот момент, когда наделяются социальными смыслами. Собственно, механизм наделения смыслами и его роль в организации взаимодействия и ставился в центр исследования. Однако пребывание самого автора в маргинальной зоне социологии делала это направление наименее разрабатываемым.

Какие-то аспекты этого направления можно усмотреть в социологическом исследовании городов в рамках "Чикагской школы" [21]. Здесь пространственный момент оказывался крайне значимым. Но значимым он был не в науке об обществе, но в рамках конкретных городских исследований, главным образом в моделях городской сегрегации. Важно и то, что даже задачи распространения пространственных исследований на область общей теории общества не ставилось.

В рамках же общей теории, особенно в послевоенный период, возникает и усиливается иная тенденция. В трудах Н. Лумана [16] и П. Бурдьё [7] постулировалось, что социология есть наука о социальном действии. Действие же протекает не в пространстве, а во времени. Именно там оно длительно и структурировано. В силу этого в качестве базовой, онтологической категории в социологии должно использоваться лишь социальное время, позволяющее синхронизировать социальные действия и социальные процессы. Социальное пространство, как и в построениях П. Сорокина, использовалось. Но использовалось в качестве метафоры. Наличие, скажем, в построениях П. Бурдьё или С. Сассен многочисленных "пространственных" концептов тем не менее не позволяют указать, где именно находится тот или иной статус. Более того, сам вопрос в рамках их теоретических моделей выглядит некорректным.

По существу, в послевоенный период, вплоть до 80-х годов, пространственные исследования в общественных науках находились на периферии интересов профессионального сообщества. Изменение ситуации происходило постепенно. Причем как внутри социологии, так и извне. Внешним источником стали труды географов, работающих в традиции гуманитарной географии [12]. Здесь в рамках концептов "культурный (социальный) ландшафт", "географический образ", "территориальная идентичность" и других, по существу, возрождались проблематика, некогда заданная Г. Зиммелем. Причем, что крайне значимо, возрождались она и на уровне конкретных исследований, и на уровне теоретической рефлексии [14]. Появление в географических исследованиях позиции наблюдателя и, соответственно, трансформация восприятия и изучения пространства, как представляется, была связана с тем, что сам предмет изучения оказался излишне разнообразным. Наличие различных средств коммуникации, различного доступа к ним порождало качественно различные не онтологические, но жизненные пространства, различные его образы. Это требовало рефлексии и не укладывалось в традиционные модели. Требовалось радикальное обновление инструментария [19].

Вполне понятно, что подобные штудии вызвали интерес и у социологов. Тем более что и внутри социологии начинался рост интереса к категории "пространство". Выше я упоминал о сохранении интереса к пространственным построениям в рамках социологии города. В городских исследованиях,

во многом инициированных событиями 1968 года, и начинается возрождение интереса к социальному пространству. Прежде всего, складывается представление о городском пространстве, как пространстве борьбы (Д. Харви) [28]. Однако наиболее значимы для нашего анализа идеи Анри Лефевра, тоже высказанные в связи с борьбой за город, но обладающие гораздо более широким теоретическим значением [15]. Понятно, что прежде всего речь идет об идее "производства пространства". Здесь с идеей производства пространства оказался связан целый пучок принципиально новых подходов к анализу социальных явлений. Представляется, что именно здесь было заложено основание для грядущего пространственного поворота.

Сама идея сегодня звучит не особенно ново и вполне в духе пространственных метафор П. Бурдьё. Стабильная, сложившаяся социальная группа не просто проживает в некотором пространстве, что соответствует просто представлениям, исходящим из здравого смысла, но это пространство производит, исходя из собственных задач, сложившихся принципов и способов взаимодействия, образа жизни.

Производство пространства – явление сложное. Оно включает в себя, естественно, производство инфраструктуры (дорог, каналов, энергосетей, домов, улиц, площадей и т.д.), зачастую радикально изменяющих природный ландшафт. В исторической перспективе можно говорить и о более фундаментальных изменениях: осушении болот, срытии холмов, уничтожении лесного покрова и других значимых изменениях. Но к производству пространства относится и гораздо более частные феномены, связанные уже непосредственно с борьбой за пространство.

Ведь одно и то же физическое пространство могут преобразовывать разные группы с разными целями. Скажем, значимую инфраструктуру создает власть, а "обживает" и трансформирует ее территориальное сообщество, часто более или менее сознательно разрушая то пространство, которое создано властью. Конечно, А. Лефевра, как и Д. Харви, интересовали публичные формы противостояния, борьбы за город. Однако уже в их работах описано рутинное сопротивление территориального сообщества наступлению на "свое" пространство. Последнее и заключается в продолжении производства пространства, для которого произведенная властью (иным сообществом) инфраструктура выступает только объектом преобразований [6].

Здесь возникает иное, гораздо более сложное понимание самой категории "социальное пространство". Последнее перестает быть ньютоновским "вместилищем тел", пустой сценой, на которой разыгрывается социальный спектакль. Сообщество не просто создает те или иные видимые элементы пространства, наделяет социальными (данными, конкретными) смыслами природные и культурные объекты, порожденные иными сообществами, но и структурирует их. Пустырь превращается в сельхозугодье, свалка – в источник материальных ценностей, а территории сельхозназначения становятся коттеджным поселком. В результате возникает "плотное пространство" [8], предполагающее определенные виды деятельности и препятствующее иным. При этом каждая из групп, претендующих на данное пространство, структурирует его по собственному лекалу. Несовпадение и проявляет себя как конфликт.

В результате социальное пространство представляет собой некоторую морфологическую структуру, которую каждая из претендующих на нее групп стремится наполнить собственными социальными смыслами, детерминирующими (способствующими) видам социальной и хозяйственной активности, присущим именно данным группам. Важнейшим элементом этой модели выступает категория наблюдателя. Собственно, в его глазах морфология пространства и обретает социальный характер.

В модели А. Лефевра, развитой в российской традиции А.Ф. Филипповым [24], морфология представляет собой текст, считываемый наблюдателем, в том числе деятелем, по определенным правилам, задаваемым сообществом. В момент считывания пространства и становится социальным. Правила и инструменты считывания пространства становятся предметом социологического анализа, как и конфликт этих правил и инструментов.

Взлет интереса к проблеме социального пространства после бурных событий "Большого бунта молодежи" ("событий 1968 года") связан со специ-

фическим свойством социального пространства, которое вслед за Н. Луманом мы обозначим термином "инвизибилизация" [17]. Порожденное социальное пространство укореняется, становится онтологией. Как отмечал М.М. Бахтин, каждый из нас входит в уже оговоренный, то есть наделенный социальными смыслами мир [1]. В этом состоянии оно и оказывается невидимым, не считываемым наблюдателем, превращается во "вместилище тел". Именно в этих условиях социальное действие воспринимается как разворачивающееся не в пространстве, а во времени.

Но в условиях конфликта происходит деконструкция этого текста. Скрытые механизмы наделения и считывания социальных смыслов выходят на поверхность [10]. Из данности социальное пространство становится проблемой, причем и для исследователя, и для актора, действующего в этом пространстве. Здесь оно и попадает в орбиту интереса исследователей.

Однако события последних десятилетий оказались гораздо более конфликтогенными, нежели уже забытая эпоха 1968-го года. В кратчайшие по историческим меркам сроки распадается не просто "мир социализма", но вся гигантская послевоенная структура пространства. Причем, распадается на самых разных уровнях: от глобального (исчезновение одного из центров силы) до локального (деструкция привычных ландшафтов).

Имплицитно предполагалось, что кризис – это кратковременное состояние, из которого общество (от макро до микро) вновь придет к стабильному состоянию [3]. Соответственно, предметом исследования должно выступать докризисное состояние с целью понять, что привело к кризису. Не менее значимым предметом становится и чаемая послекризисная стабильность. И в первом, и во втором вариантах места для анализа социального пространства не оказывается. Но в реальности всё протекало несколько иначе.

Вместо новой стабильности вот уже несколько десятилетий продолжается и усиливается дрейф по несогласованным траекториям отдельных элементов социального пространства, различные "порядки" (способы наделения и считывания смыслом) не сменяются один другим, но сосуществуют, конкурируя и конфликтуя. Более того, созданные в рамках одного "порядка" объекты могут оказаться наделены смыслами другого. Конфликтующие механизмы смыслонаделения выходят в этот момент на поверхность. Причем сам "момент" оказывается достаточно длительным. По крайней мере, в сравнении с человеческой жизнью. В этом, промежуточном, временном состоянии людям приходится жить, приходится приспосабливаться к нему.

В результате возникает ситуация, когда социальное действие оказывается в значительной степени детерминировано характеристиками социального пространства, точнее, локальным соотношением сил групп, производящих это пространство, борьбой за него. Причем далеко не только в пространстве города. Это и дает толчок к возникновению в социальных науках мощного движения, именуемого "пространственный поворот". Поскольку же Россия оказалась одним из центров описанных выше процессов, да и порождением их, то и процесс этот здесь выражен острее и ярче. Точнее, здесь имеет смысл говорить о нескольких, связанных друг с другом процессах, разворачивающихся на территории Северо-Восточной Евразии в последние три десятилетия.

Здесь достаточно явно выделяются несколько этапов распада социального пространства, сложившегося в годы СССР [4]. Первый этап – период деструкции и "обживания руин" во временном отношении располагается в первой трети 90-х годов. В этот период мы имеем дело не столько с производством пространства, сколько с попытками "склеить" расплывающуюся ткань, воссоздать прежнюю целостность в условиях для этого не пригодных. При этом достаточно очевидно, что чем более высоким был статус агента или группы, тем более радикальным изменениям подвергались практики, тем более отличным от прежних вариантов оказывалось производимое этими группами пространство. Потому понятно, что наименее видимые в прошлом группы (криминальные) и пространства вдруг выходят не просто на поверхность, но начинают быть образцом для производства социального пространства. Стоит отметить, что речь идет именно о локальных пространствах, с большими проблемами агрегируемых во что-то более крупное. По существу, "большое пространство в этих условиях оказывается реликтом.

Однако стоит отметить, что именно большие пространства задают (и в свою очередь задаются) крайне важные параметры социальной идентичности (политической, профессиональной, национальной и др.). Потому, вероятно, уже во второй половине 90-х годов большие пространства в региональном масштабе начинают воссоздаваться, причем в конфигурациях, существенно отличных от предшествующего (советского) социального пространства. Скажем, в пространство юга Дальнего Востока в качестве значимого элемента входит сопредельное пространство Китая. При этом граница, прежде выступавшая в качестве конечной точки коммуникации, жестко оформляющей пространство внутри (крепость СССР на Востоке, форпост) становится одним из элементов социального пространства, активно участвующим в хозяйственных и социальных практиках населения.

В отличие от предшествующего периода, когда жизнь строилась за счет использования "руин" СССР ("советский трофей"), в этот период начинается создание новых артефактов. Появляются первые коттеджные поселки ("как на западе"), многоквартирные дома необычной планировки ("повышенной комфортности"), торговые центры, куда переселяются бывшие уличные рынки. Важно отметить, что губернатор или иное лицо губернаторского уровня, ключевой политической актор того периода (примерно 1996–2004 гг.), в отличие от политического оператора советского периода, даже не ставил себе целью организацию тотального контроля над данным участком социального пространства. Его амбиции были скромнее. Он жестко контролировал основные "кормящие" отрасли территории. Однако сам контроль был не столько за деятельностью (производством), сколько за сбытом и, главное, за "распределением доходов", значительная часть которых шла самому оператору в обмен на преференции, защиту и помощь в организации транзакций. Остальное пространство оказывалось областью самоорганизации.

Стоит отметить, что значительная часть советских городов, особенно городов Востока России, выступали не столько результатом естественных агломерационных процессов, сколько результатом осознанных конструирующих воздействий власти. Такие центры можно обозначить термином "имперские города" [11]. Они в минимальной степени связаны с хозяйственной и социокультурной жизнью прилегающей территории. Их задача в другом.

Одним из проявлений того же пространственного поворота в социальных науках стал интерес к империи, не как к политическому конструкту, но как к особому типу социального пространства [30]. В модели, предлагаемой Ч. Тилли, пространство империи мыслилось как принципиально гетерогенное (в правовом, культурном и т.д.) отношении, в отличие от гомогенного пространства государства. Гетерогенные части связаны через центр, точнее, через контракт центра с местными элитами. Но при крайне удаленном пространстве возникала необходимость в центрах, способных транслировать на территорию властный импульс. Под эту задачу формировалась морфология этих городов. Конечно, и здесь возникали другие пространства ("частный сектор" [9]), но именно эти пространства власть "не видела".

Первое десятилетие после распада СССР было не только временем деструкции, но и, пожалуй, одним из немногих периодов, когда эти пространства производились группами, их населяющими, без внешнего давления. Однако процесс этот завершен не был. Городская сегрегация просто не успела сложиться, как и новые доминанты социального пространства. Они лишь начали формироваться к моменту начала следующего этапа, когда главные усилия по производству пространства принимают на себя структуры, так или иначе связанные с государством.

Под действием этого актора пространство начинает развиваться в интересах, достаточно серьезно удаленных от интересов всех, проживающих в данном пространстве территориальных сообществ. Причина здесь, как представляется, в том, что большое социальное пространство продолжало оставаться гетерогенным в самых разных отношениях. Причем за время первого десятилетия постсоветской истории это качество усилилось за счет включения в это пространство разных трансграничных участков с различной структурой (Китай, Монголия, Казахстан, Турция и др.). Но принципы управления базировались на опыте гомогенных в пространственном отношении государств модерна. В результате и возникает "порядок", принципы производства про-

странства в той или иной степени не удобный подавляющему большинству населения.

Такое положение дел не является уникальным. Нечто похожее описывает и Дж. Скотт в своих работах, противопоставляя "теоретическое (всеобщее) знание" и "метис" (знание о том, как делаются дела здесь и сейчас) [29]. Как и в случае с "Зомией" Скотта, здесь начинается сложная социальная игра, характеристики которой зависят от жесткости властного контроля над пространством. Чем более жестким и тотальным является контроль, тем больше шансов, что это либо вызовет протестную реакцию, либо приведет к разрушению самого территориального сообщества как сообщества социального.

Но и сама власть, хотя и стремилась к организации гомогенного социального пространства из разнородного, оказывалась различной в зависимости от удаленности локала от властного центра. Сказывались на присутствующей в социуме пространственной игре еще два обстоятельства. Во-первых, особенность зрения и считывания социального пространства государством. "Органом зрения" государства выступает статистика. Но со статистикой в последние десятилетия произошли достаточно серьезные потрясения. Еще в конце прошлого столетия, в ходе разделения полномочий между муниципалитетами и государством (регионом) статистический учет был отнесен к региональным полномочиям. Соответственно, все районные органы статистического учета были ликвидированы. Предполагалось, что будут существенно увеличены региональные структуры, которые будут способны обеспечить более четкую и структурированную работу системы. Однако этого не произошло. Возникло иное.

Деградация института выборов делала необходимым какую-то "обратную связь" между воздействием, идущим из центра, и результативностью этого воздействия, какую-то форму контроля и оценки деятельности региональной власти. Формой такого контроля выступает заданная система показателей эффективности деятельности. На то, чтобы губернатор и возглавляемый им регион соответствовал этим показателям [20]. Эта деятельность, протекающая сегодня на всех уровнях, создает два не особенно соприкасающихся пространства: пространство жизни и пространство отчетных показателей. При этом "пространство жизни" для власти часто оказывается просто не видимым. Там нет того, что может быть считано статистикой. Соответственно, для власти, ключевого агента, производящего сегодня пространство, оно оказывается "пустым".

Такие пространства возникают в разных условиях. Значительная часть их связана с часто отмечаемым "сжатием" социального пространства [23]. Все большее пространство переходит в статус "межселенных территорий", то есть таких, где отсутствует поселенческая структура, нижний уровень статистических описаний. Соответственно, в этом пространстве власть оказывается практически слепой. Само же это пространство выступает для власти "пустым". Там нет того, что власть могла бы считать в качестве социального объекта. Но, как показывают исследования, пустым это пространство выступает только с точки зрения власти [5]. Власть здесь присутствует на периферии, задавая лишь границы этого пространства.

В меньшей степени эта "пустота" присутствует и в иных пространствах (пригород, "частный сектор" и т.д.). Здесь территории (пространства) могут оказаться доступны власти в качестве "территорий перспективного развития". То есть там пространство не "сжалось", а еще не "освоено". Но неосвоенное пространство тоже есть социальный смысл. Потому дистанция здесь между властью и территориальным сообществом меньше. Впрочем, игры по производству пространства и борьбе за него здесь возможны и возникают [6].

Гораздо меньше вариантов по борьбе за город, борьбе за пространство возникает в тех точках (силовых центрах), где производство социального пространства монополизировано властью (столицы, имперские города). Здесь, по существу, территориальное сообщество разрушается. На его месте возникает совместность, то есть объединение людей, основанное не на совместно разделяемых ценностях и смыслах, но на совместном использовании общих пространств [27]. Правда, в условиях, когда эти совместные пространства оказываются под угрозой, совместность может перейти в сообщество, начать борьбу за город, включившись в пространственные игры.

Каков будет результат этих игр, пока сказать сложно. Думаю, что это покажет самое ближайшее время. Но это будет уже совсем другая история. Пока же пространство остается конфликтным и пространственный поворот продолжается. И именно его подвижность, неустойчивость, расшатывающая привычные рамки и границы, поддерживает ход пространственного поворота, вновь и вновь актуализируя эту проблематику. Соответственно, пространственный поворот продолжается.

Литература

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Походаев В.С. М.: Искусство, 1986. 258 с.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: "Медиум", 1995. 323 с.
3. Бляхер Л.Е. Нестабильные социальные состояния. М.: Росспэн, 2005. 208 с.
4. Бляхер Л.Е. Стратегии выживания в условиях кризиса (о предпринимателях Дальнего Востока и не только). М.: Страна ОЗ, 2017. 175 с.
5. Бляхер Л.Е., Григоричев К.В. Острова в тайге: формы (ре) освоения "пустого пространства" на Востоке России // Полития. 2020. № 2. С. 158–181.
6. Бляхер Л.Е., Ковалевский А.В. Без лидеров, лозунгов и транспарантов: борьба за город и рутинное сопротивление в частном секторе городов Востока России (на примере Хабаровска) // Полития. 2021. № 1. С. 75–108.
7. Бурдые П. Социология социального пространства / Пер. с фр.; общ. ред. и послесл. Н.А. Шматко. В 2-х т. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005.
8. Гидденс Э. Устройство общества: Очерки теории структуризации. М.: Академический Проект, 2005.
9. Григоричев К.В. В тени большого города: социальное пространство пригорода. Иркутск: Оттиск. 2013. 248 с.
10. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения / Пер. с фр. и послесл. Я.И. Свицкого, науч. ред. В.Ю. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.
11. Дятлов В. И. Этноизация общественного пространства: причины и механизмы процесса // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 5 (37). С. 9–15.
12. Замятин Д. Н. Гуманитарная география: основные направления, категории, методы и модели // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. № 1. С. 11–26.
13. Зиммель Г. Избранное. Том 2. Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. 607 с.
14. Каганский В. Л. Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии // Обсерватория культуры. 2009. № 1. С. 62–70.
15. Лефевр А. Производство пространства / Пер. с франц. И. Стаф. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.
16. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Пер. с нем. И. Д. Газиева под ред. Н.А. Головина. СПб.: Наука, 2007. 648 с.
17. Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества / Пер. с нем. и публ. А.Ф. Филиппова // Социологос. Вып. 1. М.: Прогресс, 1991. С. 194–216.
18. Макогон Т. И. "Пространственный поворот" и возможность новационных подходов в социально-философском дискурсе // Известия ТПУ. 2012. № 6. С. 167–172.
19. Митин И. И. Гуманитарная география: проблемы терминологии и (само)идентификации в российском и мировом контекстах // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. № 1. С. 1–10.
20. Моляренко О.А. Государственные практики конструирования статистических иллюзий, или "мертвые зоны" отечественной статистики // Социологический журнал. Т. 23. № 4. 2017. С. 104–120.
21. Парк Р. Избранные очерки: Сб. переводов. / РАН ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии; Сост. и пер. с англ. В. Г. Николаев; Отв. ред. Ефременко Д.В. М., 2011. 320 с.
22. Сорокин П.А. Социальная мобильность / Питирим Сорокин; [пер. с англ. М. В. Соколовой]. М.: Academia: LVS, 2005. 588 с.
23. Трейвиш А.И. "Сжатие" пространства: трактовка и модели // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования. Материалы XXVII сессии Экономико-географической секции Международной академии регионального развития и сотрудничества (МАРС). М. 2010. С. 16–31.
24. Филиппов А.Ф. Элементарная социология пространства // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 45–69.
25. Фуко М. Пространство, знание и власть // Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 3. М.: Праксис. 2006. С. 215–236.

26. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А.Я. Алхасов; Пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; Научн. ред. перевода Г.С. Батыгин, М.: Институт Фонда "Общественное мнение", 2003. 336 с.
27. Dellenbaugh M. *Urban Commons: Moving Beyond State and Market* / Mary Dellenbaugh, Markus Kip, Majken Bieniok, Agnes Katharina Müller and Martin Schwegmann. – Birkhauser Press: Berlin, 2015. 244 p.
28. Harvey D. *The Right to the City* // *New Left Review*. 2008. October.
29. Scott J. *The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia*. New Haven, London: Yale University Press. 2011. URL: <https://libcom.org/files/Art.pdf> (дата обращения: 10.01.2021).
30. Tilly Ch. *How empires end* // *After empire: multiethnic societies and nation-building. The Soviet Union, and the Russian, Ottoman and Habsburg empires* / Barkey K., von Hagen M. (eds.). Boulder; Oxford: Westview press, 1997. P. 1–11.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Bakhtin M.M. *Esthetika slovesnogo tvorchestva* / Pokhodaev V.S. M.: Iskusstvo, 1986. 258 s.
2. Berger P., Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya*. M.: "Medium", 1995. 323 s.
3. Blyakher L.E. *Nestabil'nye sotsial'nye sostoyaniya*. M.: Rosspehn, 2005. 208 s.
4. Blyakher L.E. *Strategii vyzhivaniya v usloviyakh krizisa (o predprinimatel'nykh Dal'nego Vostoka i ne tol'ko)*. M.: Strana OZ, 2017. 175 s.
5. Blyakher L.E., Grigoriev K.V. *Ostrova v tajge: formy (re) osvoiniya "pustogo prostranstva" na Vostoke Rossii* // *Politiya*. 2020. № 2. S. 158–181.
6. Blyakher L.E., Kovalevskiy A.V. *Bez liderov, lozungov i transparentov: bor'ba za gorod i rutinnoe soprotivlenie v chastnom sektore gorodov Vostoka Rossii (na primere Khabarovska)* // *Politiya*. 2021. № 1. S. 75–108.
7. Burd'e P. *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* / Per. s fr.; obshh. red. i poslesl. N.A. SHmatko. V 2-kh t. M.: Institut eksperimental'noj sotsiologii; SPb.: Aleteya, 2005.
8. Giddens E.H. *Ustroenie obshchestva: Ocherki teorii strukturalizatsii*. M.: Akademicheskij Proekt, 2005.
9. Grigoriev K.V. *V teni bol'shogo goroda: sotsial'noe prostranstvo prigoroda*. Irkutsk: Ottisk. 2013. 248s.
10. Delyoz Zh., Gvattari F. *Tsytacha plato. Kapitalizm i shizofreniya* / Per. s fr. i poslesl. YA.I. Svirskogo, nauch. red. V.YU. Kuznetsov. Ekaterinburg: U-Faktoriya; M.: Astrel', 2010. 895 s.
11. Dyatlov V. I. *Ehtnizatsiya obshchestvennogo prostranstva: prichiny i mekhanizmy protsessa* // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 2015. № 5 (37). S. 9–15.
12. Zamyatin D. N. *Gumanitarnaya geografiya: osnovnye napravleniya, kategorii, metody i modeli* // *Kul'turnaya i humanitarnaya geografiya*. 2012. T. 1. № 1. S. 11–26.
13. Zimmel' G. *Izbrannoe. Tom 2. Sozertsanie zhizni*. M.: YUrist, 1996. 607 s.
14. Kaganskij V. L. *Kul'turnyj landshaft: osnovnye kontseptsii v rossijskoj geografii* // *Observatoriya kul'tury*. 2009. № 1. S. 62–70.
15. Lefevr A. *Proizvodstvo prostranstva* / Per. s frants. I. Staf. M.: Strelka Press, 2015. 432 s.
16. Luman N. *Sotsial'nye sistemy. Ocherk obshhej teorii* / Per. s nem. I. D. Gazieva pod red. N.A. Golovina. SPb.: Nauka, 2007. 648 s.
17. Luman N. *Tavtologiya i paradoks v samoopisaniyakh sovremennogo obshchestva* / Per. s nem. i publ. A.F. Filippova // *Sotsiologos. Vyp. 1*. M.: Progress, 1991. S. 194–216.
18. Makogon T. I. *"Prostranstvennyy povорот" i vozmozhnost' novatsionnykh podkhodov v sotsial'no-filosofskom diskurse* // *Izvestiya TPU*. 2012. № 6. S. 167–172.
19. Mitin I. I. *Gumanitarnaya geografiya: problemy terminologii i (samo)identifikatsii v rossijskom i mirovom kontekstakh* // *Kul'turnaya i humanitarnaya geografiya*. 2012. T. 1. № 1. S. 1–10.
20. Molyarenko O.A. *Gosudarstvennyye praktiki konstruirovaniya statisticheskikh illyuziy, ili "mertvye zony" otechestvennoj statistiki* // *Sotsiologicheskij zhurnal*. T. 23. № 4. 2017. S. 104–120.
21. Park R. *Izbrannye ocherki: Sb. perevodov.* / RAN INION. TSentr sotsial. nauch.-inform. issled. Otd. sotsiologii i sotsial. psikhologii; Sost. i per. s angl. V. G. Nikolaev; Otv. red. Efremenko D.V. M., 2011. 320 s.
22. Sorokin P.A. *Sotsial'naya mobil'nost' / Pitirim Sorokin; [per. s angl. M. V. Sokolovoj]*. M.: Academia: LVS, 2005. 588 s.
23. Trejvish A.I. *"Szhatie" prostranstva: traktovka i modeli* // *Szhatie sotsial'no-ehkonomicheskogo prostranstva: novoe v teorii regional'nogo razvitiya i praktike ego gosudarstvennogo regulirovaniya. Materialy XXVII sessii EHkonomiko-geograficheskoy sektsii Mezhdunarodnoj akademii regional'nogo razvitiya i sotrudnichestva (MARS)*. M. 2010. S. 16–31.
24. Filippov A.F. *Ehlementarnaya sotsiologiya prostranstva* // *Sotsiologicheskij zhurnal*. 1995. № 1. S. 45–69.

25. Fuko M. Prostranstvo, znanie i vlast' // Fuko M. Intellekтуалы i vlast': izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu. CHast' 3. M.: Praxis. 2006. S. 215–236.
26. SHyutts A. Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoy sotsiologii / Sost. A.YA. Alkhasov; Per. s angl. A.YA. Alkhasova, N.YA. Mazlumyanovoj; Nauchn. red. perevoda G.S. Batygin, M.: Institut Fonda "Obshhestvennoe mnenie", 2003. 336 s.
27. Dellenbaugh M. Urban Commons: Moving Beyond State and Market / Mary Dellenbaugh, Markus Kip, Majken Bieniok, Agnes Katharina Müller and Martin Schwegmann. – Birkhauser Press: Berlin, 2015. 244 p.
28. Harvey D. The Right to the City // New Left Review. 2008. October.
29. Scott J. The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia. New Haven, London: Yale University Press. 2011. URL: <https://libcom.org/files/Art.pdf> (data obrashheniya: 10.01.2021).
30. Tilly Ch. How empires end // After empire: multiethnic societies and nation-building. The Soviet Union, and the Russian, Ottoman and Habsburg empires / Barkey K., von Hagen M. (eds.). Boulder; Oxford: Westview press, 1997. P. 1–11.

Информация об авторе

Леонид Ефимович Бляхер, д-р филос. наук, заведующий кафедрой философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия, e-mail: Leonid743342@mail.ru

Information about the author

Leonid E. Blyakher, Doctor of Philosophy, Head of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Pacific State University, Khabarovsk, Russia, e-mail: Leonid743342@mail.ru

Поступила в редакцию

(Received) 11.01.2022

Одобрена после рецензирования

(Approved) 02.02.2022

Принята к публикации

(Accepted) 19.02.2022